

## ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию И.С. Якубовича

«Статус лувийского языка в многонациональной Анатолии бронзового века: опыт социолингвистической реконструкции»,

представленную на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Первоначально анатолийская филология развивалась как область знаний, представляющая собой раздел ассириологии или индоевропеистики, хотя уже с тридцатых годов прошлого века можно констатировать выделение хеттологии в самостоятельную научную дисциплину. Сегодняшняя ситуация, когда большинство текстов на хеттском, лувийском и других языках анатолийской группы уже опубликованы, а также появились синхронные и этимологические словари многих анатолийских языков, способствует выходу анатолистики на качественно новый уровень. Для современного этапа характерно, в частности, введение материала анатолийских языков в обиход различных смежных дисциплин. С одной стороны, появляется большое количество работ, в которой анатолийский морфосинтаксис рассматривается под призмой общей лингвистической типологии. Среди российских ученых, работающих в данной области, можно отметить работы А.В. Шацкова (Санкт-Петербург) и А.В. Сидельцева (Москва). С другой стороны, в ряде публикаций предпринимаются попытки рассмотрения лингвистической ситуации в древней Анатолии с точки зрения типологии языковых явлений. Наиболее успешной и перспективной из известных мне работ данного направления является, пожалуй, диссертация И.С. Якубовича.

Хотелось бы отметить оптимальную подготовку диссертанта для проведения такого рода исследований. И.С. Якубович провел многие годы в Восточном Институте Чикагского университета – Мекке хеттологии, где и приобрел необходимую филологическую квалификацию по работе с древнеанатолийскими текстами в клинописной, иероглифической и алфавитной передаче. Важно также, что по своей основной специальности И.С. Якубович является лингвистом, специалистом по теоретической и

прикладной лингвистике, способным рассматривать отдельные языковые проблемы в широкой типологической перспективе. Наконец, научные работы И.С. Якубовича демонстрируют его эрудицию в вопросах политической и этнической истории древнего мира и неподдельный интерес к проблемам этногенеза отдельных народностей, которые не могут быть решены посредством прямого анализа первичных исторических источников. Благодаря данному сочетанию компетенций, диссертанту удалось внести значительный вклад в реконструкцию лингвистической ситуации в Малой Азии второго тысячелетия до н.э. – проблемы, которая может на первый взгляд показаться неразрешимой.

Диссертация И.С. Якубовича логически распадается на три основные части. Первая часть посвящена определению границ лувийского корпуса и диалектной классификации дошедших до нас лувийских текстов на основании формально-лингвистических критериев. Во второй части рассматривается статус лувийского языка в Западной части Малой Азии, а основной методологией здесь является этимологический анализ топонимики и ономастики, а также критика первичных исторических источников. Выводы автора в данной части исследования, опубликованные в англоязычной монографии и статьях по теме диссертации, уже вызвали широкий резонанс среди исследователей, и даже стали одной из доминирующих тем конференции *Luwian Identities – Culture, Language and Religion between Anatolia and the Aegean*, прошедшей в Рединге (Великобритания) в июне 2011 г. В третьей и наиболее обширной части диссертации предлагается социолингвистическая интерпретация контактов между хеттским и лувийским языковыми сообществами. Обсуждаются как результаты контакта на уровне языка (заимствования, структурная интерференция), так и контакты на уровне речи (переключение и чередование кодов).

Во введении к диссертации рассмотрен ряд общих вопросов анатолистики, таких как филиация индоевропейских и анатолийских языков, степень удаленности между хеттским и лувийским языками, природа догреческого субстрата и т.д. Разумеется, некоторые мнения автора по данным темам, как, впрочем, и мнения всех остальных исследователей, носят дискуссионный характер. Было бы неправомерно вдаваться, в свою очередь, в длинную дискуссию по данным вопросам, учитывая, что они не являются положениями, выносимыми на защиту, а скорее их общим фоном. Хотелось бы, однако, сделать одно замечание

методологического характера. Анализируя те или иные идеи, предложенные тридцать или более лет назад, И.С. Якубович часто не ссылается на их авторов, цитируя вместо этого современных ученых, разделяющих или обсуждающих данные положения. Это видно уже в первой же сноске, где рассмотрение сложного вопроса о языковой ситуации в городе Канеш сопровождается всего лишь одной ссылкой на обзорную статью турецкого исследователя С. Альпа.

Одной из особенностей подхода И.С. Якубовича к классификации анатолийских языков, пока непривычной для российских ученых, по крайней мере, на терминологическом уровне, является выделение «лувической группы», включающей, кроме собственно лувийского, также ликийский, милийский и карийский языки. Данная таксономия следует идее К. Мельчерта, обозначившего лувические языки термином *Luvic* (в отличие от *Luvian* «лувийский»). Следует, впрочем, отметить, что Мельчерт также предположительно относил к лувическим сидетский и писидийский языки, которые не получили рассмотрения в обсуждаемой диссертации. По-русски вместо термина лувические до сегодняшнего дня употреблялся термин лувоидные языки (ср. бантоидные языки противопоставляемые языкам банту в узком смысле). Неясно, приживется ли в русскоязычной традиции предлагаемый новый лингвоним, и не вызовет ли он путаницу у неспециалистов. Более существенным с научной точки зрения является, однако, наблюдение И.С. Якубовича относительно исторической связи дошедших до нас памятников собственно лувийского языка с центральной и юго-восточной частями Анатолии бронзового века. Данное хорошо обоснованное эмпирическое наблюдение идет вразрез с широко распространенными наивными представлениями о лувийцах как аборигенах западной части Малой Азии, восходящими, по крайней мере, для историков и археологов, к работам Дж. Меллаарта.

Возвращаясь к вопросам собственно лувийской диалектологии, автор останавливается на сложном взаимоотношении трех диалектов: лувийского диалекта Хаттусы, лувийского диалекта Киццуватны на юго-востоке Анатолии и позднелувийского. Хотя в лингвистическом плане позднелувийский диалект, ассоциируемый с иероглифическими текстами раннего железного века, продолжает диалект хеттской столицы Хаттусы, автор показывает, что географически его ареал полностью покрывает территорию, с которой ранее ассоциировался диалект Киццуватны. С точки зрения И.С. Якубовича, данная конфигурация оправдывает интерпретацию

диалекта памятников из Хаттусы как «имперского лувийского», т.е. наддиалектного койне, сформировавшегося в империи хеттов. Термин «имперский лувийский» немедленно вызывает в памяти «имперский арамейский» / *Reichsaramäisch*, официальный канцелярский язык империи Ахеменидов, употреблявшийся, в том числе, и на территории Малой Азии. Следует, однако, отметить, что язык ахеменидских канцелярий явно не обладал разговорным статусом на территории большей части империи, тогда как «имперский лувийский», согласно гипотезе И.С. Якубовича, распространялся именно как язык общения. Поэтому возникает вопрос, не уместнее ли его называть «народным лувийским» по аналогии с «народной латынью», распространявшейся сходным образом в западной части Римской империи.

С филологической точки зрения интересны наблюдения автора над ранней интерференцией между хеттским и «народным лувийским», отраженной, в частности, в ритуале колдуньи Мاستигги. Несомненной новизной обладают также авторский анализ инноваций диалекта Киццуватны, в том числе развитие притяжательных местоимений, маркирующих множественное число посессора, а также устранение имперфектива с суффиксом *-zza-*. Хотелось бы, однако, узнать мнение И.С. Якубовича относительно глагола *pazza-* ‘уносить’, отраженного в словаре клинописного лувийского языка К. Мельчерта, и сопоставляемого там с хеттским *peda-* ‘id.’. Оригинальной и правдоподобной представляется идея возведения лувийской основы *aya-* ‘делать’ к основе с удвоением *yaū-*, а также чтение <za<sub>x</sub>>, предложенное для познеанатолийского иероглифа, традиционно интерпретируемого как <zu> (№ 432 согласно каталогу Лароша). Последняя интерпретация позволяет предложить исторически обоснованные транскрипции /anzanz/ и /unzanz/ для позднелувийских местоимений «мы» и «вы», которые выступают в предшествующих публикациях в качестве загадочных форм /anzunz/ и /unzunz/.

Переходя ко второй главе, следует отметить, что взгляды автора на этнический состав населения западной Анатолии претерпели серьезную эволюцию по сравнению с его более ранними выводами, вероятно, под влиянием критики, отраженной в материалах конференции *Luwian identities*. Если ранее автор настаивал на идентификации языка элит западноанатолийского государства Арцава как ранней формы карийского языка, теперь он занимает более осторожную позицию, полагая, что правители Арцавы, судя по их именам, являлись носителями некоего

лувоидного диалекта, но отказываясь от его точной идентификации. Можно только приветствовать изменение позиции И.С. Якубовича по данному вопросу, с учетом того, что любые положительные выводы, основанные на диалектном анализе горстки имен собственных из Арцавы, при отсутствии оригинальных лувоидных текстов из данного региона, едва ли являются обоснованными. Скорее, здесь можно говорить о негативном свидетельстве стилистического характера: если хетты охотно цитировали лувийские заклинания в ритуалах из Киццуватны или даже из их собственной столицы Хаттусы, но воздерживались от такой практики в ритуалах из Арцавы, это может свидетельствовать о том, что заклинания из Арцавы не являлись лувийскими в узком смысле и не были понятны хеттам.

При обсуждении ономастики княжества Арцава автор подчеркивает особенности местных личных имен, которые не дают возможности рассматривать их как лувийские в узком смысле. Данный отрицательный вывод также представляется убедительным, однако этимологии, предлагаемые для отдельных имен, не бесспорны. В частности, имя *Anzunniya* (стр.118) не обязательно содержит глагольную форму, почему не предположить здесь суффиксацию? Имена с первым элементом *Uhha-* или *Huha-* (например, *Uhha-ziti*, букв. 'дед=старик-мужчина'), некоторые из которых принадлежат исполнителям ритуалов, напоминают по своей внутренней форме обозначение жрицы «старая женщина» (<sup>MUNUS</sup>SU.GI). Наконец, не вполне убедительными представляются возражения против отождествления первого элемента имен на *Maddu-* с лувийским *maddu-* 'вино' и попытки связать его с топонимом Меония. Имя *Maddu-nani* «Брат вина» выглядит несомненно необычно на первый взгляд, но ничуть не более странно, чем «Человек дождя» и другие лувийские имена, разбираемые самим И.С. Якубовичем в сборнике *Luwian identities*. Как убедительно показано в данной работе, в таких случаях мы часто имеем дело со скрытыми теофорными именами, поэтому *Maddu-nani* также может анализироваться по своей внутренней форме как «Брат (бога) вина».

Третья глава диссертации в основном посвящена грамматической интерференции между хеттским и лувийским языками в доисторический период на примере эволюции рефлексивных местоимений. В ней убедительно доказывается, что как форма, так и функция хеттской возвратной частицы =*za* трудно объяснимы без допущения влияния лувийского влияния на историю данной морфемы. Несомненную важность

для реконструкции анатолийского филогенеза имеет предложенная автором схема эволюции местоименной клитики \*=*soi* 'ему', которая сохраняет свое первоначальное значение в хеттском языке, вытесняется на периферию системы в лидийском и палайском языках, и полностью замещается клитикой \*=*toi* в языках лувоидной группы. С этноисторической точки зрения, наиболее важным выводом данной главы является доказательство смежности хеттского и лувийского ареалов в конце третьего тысячелетия до н.э. В плане типологии рефлексивных конструкций большой интерес представляет описание автором рефлексивного «этического датива» в хеттском и лувийском языках. В качестве дополнительной типологической параллели здесь можно привести испанскую конструкцию типа *Si se comen muchos pasteles* 'если они (себе) съедят много пирожных'. В качестве небольшого критического замечания к данной главе стоит отметить излишнюю категоричность автора относительно отсутствия аналогов индоевропейской возвратной основе \*=*sw-* в анатолийской группе. Хотелось бы, чтобы на защите диссертации И.С. Якубович прояснил свою позицию относительно происхождения ликийской местоименной формы *ehbi* 'его' и лидийского элемента *śf-*.

Четвертая глава, посвященная взаимодействию хеттского и лувийского языков в исторический период, представляет собой сочетание небольших эссе, где данная тема рассматривается с различных точек зрения. Один из разделов данной главы, посвященный локализации страны Лувия, упоминаемой в хеттских законах, опубликован в прошлом году в журнале *Вестник древней истории* и был высоко оценен рецензентами. Но наибольший резонанс из материала, вошедшего в данную главу, пожалуй, получили идеи автора относительно происхождения анатолийских иероглифов. И.С. Якубовичу принадлежит, если такой эпитет уместен в научном отзыве, элегантно доказательство участия как лувийцев, так и хеттов в разработке данной системы письма, что дает еще один важный аргумент в пользу гипотезы о многонациональном характере правящих элит хеттского царства в XIV веке до н.э. На этом фоне выглядит досадным отсутствие дискуссии о происхождении анатолийской клинописи в контексте лингвистической ситуации в многонациональной Анатолии. В диссертации никак не отражен тот факт, что хотя первые клинописные памятники на территории Анатолии записаны староассирийским письмом, хетты адаптировали для своей системы один из периферийных вариантов старовавилонского письма, заимствовав его, вероятно, из Северной Сирии.

Вместе с тем, один из хеттских памятников, декрет Анитты, скорее всего, предшествует этому заимствованию, и таким образом должен был быть первоначально записан староассирийской клинописью. Разумеется, автор вправе полагать, что сознательный выбор хеттов в пользу старовавилонского курсива никак не был связан с лингвистической ситуацией в Малой Азии, но хотелось бы услышать его мнение по данному вопросу.

В заключительной главе диссертации проведена последовательная реконструкция лингвистической ситуации в хеттском царстве XIII в. до н.э. методами обратного социолингвистического анализа, что и дает возможность рассматривать представленную на защиту диссертацию как первый опыт палеосоциолингвистического исследования. В этом случае остается только пожалеть, что обсуждение инновационной методологии обратного социолингвистического анализа вынесено И.С. Якубовичем в заключение к диссертации, тогда как непосвященному читателю было бы проще ознакомиться с ней до разбора ее приложений к анатолийскому материалу. Содержательно, однако, можно констатировать, что диссертация И.С. Якубовича является новым словом не только в анатолистике и истории Малой Азии но и, насколько я могу судить, в исторической социолингвистике в целом. Ряд экскурсов в пятой главе выходит за рамки основной темы диссертации и посвящен вопросам интерпретации письменных текстов в различных культурах мира. Запомнились рассуждения автора о систематической гипокоррекции в письменных языках традиций. В этой связи хотелось бы упомянуть, что японское *-san* 'гора', обсуждаемое автором как гипорректная адаптация китайского *shan* 'гора', до сих пор употребляется в качестве оронимического суффикса, например *H/fuji-san = Fujiyama*.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что представленная на защиту диссертация И.С. Якубовича значительно превосходит средний уровень докторских диссертаций. Результаты выводов его работы широко известны на Западе и уже принесли ему там заслуженную репутацию одного из ведущих индоевропеистов-анатолистов младшего поколения. Тем более важной представляется публикация результатов его исследования в виде монографии на русском языке. При подготовке монографии к публикации желательно учесть приведенные выше замечания по оформлению и композиции текста, а также сгладить отдельные стилистические шероховатости (напр. стр: 269: «семантическая

мелиорация», стр. 275: носители лувийских имен «жили рука об руку» с хеттами).

Автореферат и опубликованные в рецензируемых изданиях работы отражают содержание диссертации. Научно-квалификационная работа И.С. Якубовича соответствует пп. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней, обладает высокой степенью актуальности и новизны. На основании выполненных автором исследований разработаны принципы обратного социолингвистического анализа, совокупность которых можно характеризовать как новое научное направление в социолингвистике – палеосоциолингвистику. Автор заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 - Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук,

Ведущий научный сотрудник федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук»

Адрес: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32А

Тел.: (+7 495) 9381912

Баюн Лилия Семеновна

Подпись Баюн Л.С.  
Удостоверяю:  
Заведующий отделом кадров

01.02.2016





**Сведения об оппоненте**  
 по диссертационной работе **Якубовича Ильи Сергеевича**  
 на тему «Статус лувийского языка в многонациональной Анатолии  
 бронзового века: опыт социолингвистической реконструкции»,  
 представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по  
 специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и  
 сопоставительное языкознание.

Фамилия Имя Отчество оппонента	Баюн Лилия Семеновна
Шифр и наименование специальностей, по которым защищена диссертация	10.02.22 - Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Америки, аборигенов Америки и Австралии
Ученая степень и отрасль науки	Доктор филологических наук, лингвистика
Ученое звание	
Полное наименование организации, являющейся основным местом работы оппонента	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук»
Занимаемая должность	Ведущий научный сотрудник
Почтовый индекс, адрес	123056 Москва, ул.Грузинский вал 26, кв.74
Телефон	919-410-45-31
Адрес электронной почты	liliabaiun@mail.ru
Список основных публикаций официального оппонента по теме диссертации	<p>1.Хетты и их современники на древнем Ближнем Востоке // Всемирная история. Т.1. Древний мир / ред. В.А. Головина, В.И.Уколова. ИВИ РАН. М.: Наука, 2011.</p> <p>2. Этнокультурные процессы и формирование ранних цивилизаций Ближнего Востока // Всемирная история. Т.1. Древний мир / ред. В.А. Головина, В.И.Уколова. ИВИ РАН. М.: Наука, 2011.</p> <p>3.Лидийский язык. Ликийский язык. Лувийский язык. Лувийский иероглифический язык/ Большая Российская энциклопедия. Т.17-18. М., 2011.</p> <p>4.Сравнительно-историческая лексикология и вопросы родства хетто-лувийских языков// Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т.2. М., 2012.</p> <p>5. Хеттские литературные источники в свете ближневосточных этнокультурных контактов // Monumentum Gregorianum: сборник научных статей памяти академика Г. М. Бонгард-Левина / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории ; отв. ред., [сост.]: А. И. Иванчик. - Москва : Граница : Клио, 2013.</p>

«1 \_\_\_» февраля 2016 г.



*Лилия Семеновна Баюн*

Л.С.Баюн

*Баюн Л.С.*

*Лилия Семеновна Баюн*

Удостоверяю:  
 Подписавший отделом кадров  
 ИВИ РАН